

Мы уже писали о проблемах в растениеводстве Новосильского района, но еще более сложным остается здесь положение в животноводстве. Именно в той его, основной, части, которую мы раньше называли общественным, то есть относящейся к крупным и средним сельскохозяйственным предприятиям — агрофирмам и бывшим колхозам и совхозам. На 9600 человек населения, проживающего в этом чисто сельскохозяйственном районе, сейчас приходится всего 863 головы крупного рогатого скота, в том числе 385 коров и... 29 свиной (!). По общему поголовью КРС в этом секторе экономики район давно уже занимает последнюю строчку областной сводки, а по наличию коров в полтора-два раза уступает ближайшим районам — Троснянскому, Сосковскому, Свердловскому. Проблемы в животноводстве здесь начались не вчера, однако и в наши дни они не только не решаются, а еще более усугубляются.

Немного предыстории. Еще в 2000 году животноводством здесь занимались 15 сельскохозяйственных предприятий. На 19 фермах КРС содержалось 3806 животных, в том числе 1801 корова. Свиной в общественном секторе насчитывалось 1259 голов. 19 ферм поддерживали жизнь в 19 селах и деревнях, обеспечивали пусть небольшой, но постоянный заработок нескольким сотням животноводов. Однако работать самостоятельно в рыночных условиях у большинства коллективных хозяйств не получалось, не пошло дело на лад, и когда их взяли под крыло один из областных агрохолдингов. Выручаемых за сельхозпродукцию средств не хватало не только на обеспечение простого воспроизводства, но даже и на выплату зарплат. У сельхозпредприятий, а затем и у районной агрофирмы росли долги, которые отдавать было просто нечем. Невозможно стало получать кредиты. Все это привело к тому, что и поля уже забрасывались, не пахались и на фермах жизнь едва теплилась из-за бескомпромисса.

Поэтому, когда на горизонте появился крупный инвестор, в районе за него уцепились как утопающий за соломинку. Согласились даже с тем, что, выразив желание арендовать большую часть земель сельскохозяйственного назначения района, структурное подразделение нефтяной компании «Нобель-Ойл» — ЗАО «Орел Нобель-Агро» — категорически отказалось выкупать фермы и содержащийся на них скот, то есть заниматься животноводством. Правда, руководством голландского холдинга давались устные обещания все же заняться этой отраслью.

Немало лет прошло с той поры, а эти посулы так и остались пустыми фразами, не подкрепленными ни единым шагом в деле возрождения животноводства. Как следствие — закрывающиеся и обложенные долгами прежние хозяева ставших никому не нужными фермы, оставленные к тому же без кормовых угодий, вырезали на них весь скот, путив его в основном на погашение многочисленных долгов. Десятки окзавшихся бесхозными фермы в считанные месяцы были растащены и разграблены, к сегодняшнему дню от многих из них остались одни остовы.

Так, всего за несколько месяцев на половине территории Новосильского района, арендуемой «нобелевской» структурой, общественное животноводство было фактически уничтожено. Где в это время было районное начальство, о чем думало, спокойно наблюдая, как традиционно сельскохозяйственный район остается без мяса и молока, а десятки бывших доярок и скотников — без работы, остается только гадать. Кстати, еще в те годы наша газета поднимала тему разрушения здесь животноводства, однако в районных властных структурах эту критику предпочитали не замечать.

Еще через пару-тройку лет другой заезжий «инвестор» ликвидировал животноводство в бывшем колхозе «Рассвет» («Голыцино», «Голушь»), некогда одним из лучших хозяйств района. Кстати, именно на центральной усадьбе этого хозяйства — в крупном старинном селе Голушь — располагалась также почившее в бозе единственное в районе молокоперерабатывающее предприятие.

Во время командировки в Новосильский район нам не удалось встретиться с главой районной администрации. По словам собеседников, В.Д. Борзенков находился в очередном отпуске за пределами района. За «давностью» событий критики в свой адрес за уничтожение животноводства он, скорее всего, не примет. Хотя это только главы приходят и уходят, районная же структура управления, а значит, и ее ответственность остается. И если одни делают ошибки, а вторые даже и не пытаются что-либо испра-

вить, то греш цена и тем, и другим. Но оказывается, что и за тот короткий срок, что находится у власти нынешний глава, остаткам районного животноводства нанесен еще один ощутимый урон: уже в течение сентября — октября текущего года остатки крупного рогатого скота и свинополовья забиты на мясо на практически последнем в Новосильском районе сельскохозяйственном предприятии не со стопроцентным частным капиталом — СССППК «Победа». Из районного отчета по

ПИСЬМА ИЗ НОВОСИЛЬСКОГО РАЙОНА

Ответственность власти

животноводству на 1 ноября исключено еще 76 голов КРС, в том числе 58 коров и 60 свиной (а теперь, говорят, что уже и все 90).

Полное название СССППК с гордым именем «Победа» — сельскохозяйственный снабженческо-сбытовой потреби-

тельский перерабатывающий кооператив, и создан он, как и одноименное ПО «Победа», при участии районного потребительского общества (ПО «Новосиль»). В райадминистрации рассказали, а в Петушенской сельской администрации подтвердили, что все три эти структуры, а также уже много лет и Новосильский районный Совет народных депутатов возглавляет один руководитель — Н.В. Тарасов. Чтобы выяснить основные причины закрытия фермы, мы попробовали, естественно, встретиться с ним. Но четырежды председатель оказался, конечно, человеком занятым, вот и откладывал встречи с журналистами, сославшись на какую-то комис-

сию, хотя просил его об этом не кто-нибудь, а оставшийся в районе «на хозяйстве» на период отъезда «шефа» первый заместитель главы райадминистрации. Что ж, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Однако в контору райпо, пройдя все прочие новосильские коридоры, мы попали только во время обеденного перерыва. Несмотря на неурочное время, кипела работа в битком набитой народом бухгалтерии, а вот руководства застать не удалось.

что никак не могли подобрать для работы на ней скотников не то чтобы непьющих, но хотя бы малопьющих, не уходящих неделями в запои. Меняли их здесь, меняли, пока весь кадровый «резерв» не истощился. Хорошие работники на ферму не шли — давно в Москву на вахты катаются. А оставшийся сельский «люмпен-пролетариат», которого еще немало (только на центральной усадьбе — одном из пяти населенных пунктов Петушенской сельской администрации около 15 нигде не работаю-

щих мужиков в возрасте до 40 лет насчитали), работал в лучшем случае до первой полочки. Многократно кормить скотину, особенно в выходные и праздничные дни, приходилось немногочисленным «победовским» конторским, которым все это также до чертиков надоело.

Да если бы тем, кто еще работает добросовестно, зарплату как следует платили, а не нет. Как рассказывали нам в деревнях, уже много лет живых денег от начальства здесь не видели: зарплату отоваривают чем угодно — мясом, молоком, зерном, но только не деньгами, а ведь за электричество и прочие «удобства», за обучение детей в Орле натурпродуктами не заплатишь. И какой же нормальный человек пойдет на такую работу?

Да что там животноводы! Уже несколько лет во всем Петушенском сельском поселении нет ни одной стационарной торговой точки — не могут найти продавцов. Огромный, капитально построенный магазин, расположенный неподалеку от сельской администрации, закрыли, когда в нем до минимума упал товарооборот. Взамен райпо установило ларек, но когда работавшая в нем продавщица неожиданно уволи-

лась, никого из проживающих в округе 130 человек на ее место найти не удалось. Вот и живут во всем сельском поселении от одного приезда автолавки до другого, благо что кроме райповской «летучки» какой-то частник с товаром стал регулярно заезжать. Так и получилось, что избирательный депутатский округ председателя районного потребительского общества остался без райповских магазинов.

Хотя упреки в этой несостоявшейся беседе могли быть и обоюдными. Ведь одна из причин закрытия фермы КРС, как выяснилось, заключалась в том,

мест, имевшихся на пять сел и деревень (еще работают сельская администрация, почта, библиотека, медпункт, начальная — с одним учителем и основная школы). Чем и как жить потерявшим работу, пусть и с нигде зарплатой, никто не знает. Выращивать что-либо на частных подворьях здешним крестьянам не с руки: Орел далеко, а Новосиль хотя и ближе (примерно в 15 километрах), но до него такая отвратительная, с десятком лет не ремонтировавшаяся дорога, что автобус из райцентра сюда отъезжает приехать только один раз в неделю — по четвергам, в новосильский базарный день.

Да и привезешь в Новосиль бидон с молоком — куда с ним деваться? Единственный на весь район сепараторный пункт (бывший молзавод) закрыт, в райповский магазин не сдаться, так как задуманный и созданный потребкооператорами именно с этой (для поддержки владельцев личных подворий) целью сельскохозяйственный снабженческо-сбытовой потребительский перерабатывающий кооператив «Победа», так и не сумев должным образом организовать свою работу, фактически прекратил свое существование.

Парадокс: в Новосильском районе оказались невостребованными даже те крохи молока, которые здесь еще производятся. Пример? Пожалуйста. Частник из Орла рискнул на эксперимент по созданию в районе высокопродуктивной молочной фермы. Выкупив остатки стада и старое помещение, расположенное на территории бывшего колхоза имени Ленина, женщина-предприниматель отремонтировала коровник, подобрала надежные кадры и взялась увеличивать продуктивность поголовья. Уже в текущем году дойное стадо увеличилось здесь с 72 до 115 коров, к тому же для ООО «Масловский дворик» в других районах области было закуплено более 90 племенных телочек. Для сбыта продукции был заключен договор с молочным комбинатом «Орловский». Планировалась также организация переработки продукции, для реализации которой в райцентре был открыт собственный магазин.

«Масловский дворик» подвели партнеры: новому руководству гормолкомбината, взявшемуся за перепрофилирование предприятия, новосильское молоко оказалось уже ненужным, и с апреля текущего года его закупки свелись постепенно к нулю. «Большое» летнее молоко руководство «Масловского дворика» было еще в состоянии сбывать на другие перерабатывающие предприятия, но осенью на наемном транспорте возить по 300—400 килограммов за многие десятки километров оказалось уже нереальным. Накопить же более серьезную партию молока, к примеру, надой за несколько суток, невозможно из-за отсутствия танка-охладителя.

Когда здесь поняли, что при средней закупочной цене 8,5 рубля за килограмм себестоимость молока с учетом транспортных расходов достигала 10,4 рубля, то вопрос встал уже не о расширении, а о свертывании бизнеса. Пока дело к закрытию и этой фермы еще не идет, но несколько десятков коров на несколько месяцев раньше обычных физиологических сроков уже отправлено в закупку. Производством продукции сокращено до объемов ее реализации в собственном магазине «Масловского дворика».

В этой ли проблема является одной из главных причин закрытия и «победовской» МТФ? Ведь и здесь в начале года отменялся рост если не поголовья, то объемов производства молока. Увы, эту тайну Н.В. Тарасов постарался не разглашать. Хотя за плачевную ситуацию в экономике района, а ведь животноводство было здесь когда-то второй по значимости сельскохозяйственной отраслью, ответственность несут не только собственники-производители сельскохозяйственных предприятий, но и местные власти — администрация, райсовет. Еще один штрих. Дохозяйствовались в районе до того, что уже три месяца сидят без зарплаты и сельские, и сама районная администрация.

Бессилие или безразличие властей — такой вывод о протяжении уже многих лет напрашивается после каждого посещения Новосильского района. Меняются лица, имена глав, а реального дела как не было, так и нет. Об уровне ответственности нынешнего руководства вывод можно сделать уже по одному общероссийскому виду самого здания райадминистрации. Нигде больше в области не встретишь и столько заросших бурьяном полей, скелетов-остовов когда-то заполненных скотом ферм, рушащихся зданий самого различного назначения, как на этой древней, славной своей историей земле. А болят ли у кого-нибудь сердце за этот развал и поругание? Горе земле, где у власти не хозяева, а временщики!

Юрий СЕМЁНОВ.
Фото Вячеслава МИТРОХИНА.

Фальсификат
И Родина щедро лечила меня...

«Желаю вам здоровья и долгих лет жизни!» — на пороге нашего редакционного кабинета улыбался пожилой мужчина. С таким оптимизмом к нам обычно приходит те, кто хочет через газету поблагодарить медиков. Но на этот раз интуиция подвела. Мужчина пришёл с жалобой.

В последнее время стал бояться покупать лекарства, — произнёс наш читатель и выставил на стол флакончик валокордина. — Вот мой «настойный» врач, моя скорая помощь. Не первый год пользуюсь, а в этот раз купил, накапал и... никакой реакции. Боль не уходит, сердце не успокаивается. Ещё раз накапал, и тот же эффект. Точнее, нет эффекта. И запах какой-то неприятный — вроде резкий, а спирт не чувствуется. Есть у меня сомнения, и что это подделка. Но как проверить? И что же творится в последнее время?..

Понятно, что нам — сотрудникам редакции — не под силу подтвердить сомнения читателя или, наоборот, опровергнуть. Кто-то сразу вспомнил, что однажды «напоролся» на фестал, который почему-то перестал помогать, у кого-то родственник купил супрастин, который тоже оказался сомнительного качества. Подобные подозрения не плод воображения. Фальсифицированные лекарства — это реальность. Причем, реальность не только сегодняшнего дня. Первая крупная партия фальшивых препаратов выявлена ещё в 1997 году — это был кровозамениватель лиглюкин Красноярского фармацевтического завода.

В те годы лекарственные подделки в России составляли около трёх процентов в общем обороте медикаментов. Сегодня, по экспертным оценкам Минздрава РФ, эта цифра достигает 12 процентов. Но подделки бывают разные. Одна группа таких препаратов вообще не содержит действующего вещества, это так называемые «пустышки». Они опасны тем, что человек, принимая лекарство, на самом деле не лечится и болезнь его прогрессирует. Другая группа имеет пониженное содержание лечебного вещества — значит, человек рискует не только запустить существующую болезнь, но и получить новую. И ещё одна категория фальшивок — они практически точно повторяют оригинал, но неизвестно, где произведены и каким заводом.

Чаще всего подделывают те лекарства, которые назойливо рекламируют по телевидению и на радио, реже те, что появляются на страницах газет. Может быть, поэтому популярностью у фальсификаторов пользуются мезим, фестал, ново-пассит, эссенциал, смекта и другие. Но не составляют исключения и некоторые традиционные недорогие препараты: валидол, пенталгин, валокордин, преднизалон в таблетках и другие.

Самое любопытное, что производство поддельных лекарств кустарным способом — очень затратное занятие. А значит, предполагается, что большая часть фальсификата производится... на крупных фармацевтических предприятиях и даже возможно в рабочем режиме.

Для снижения себестоимости зачастую закупаются лекарственные субстанции у тех, кто продаёт дешёвее — например, в Индии, Китае, Болгарии. Кстати, подобная ситуация сложилась в начале 90-х годов прошлого века с производством инсулина фирмы «Брынцалов-А». Тогда благодаря широкой огласке прессы тысячи больных сахарным диабетом были спасены от возможных осложнений.

Что же представляет собой контроль качества лекарственных средств в нашей стране? Существует четырёхуровневая система контроля: на федеральном уровне, на региональном, на уровне Росздравнадзора, на уровне субъектов. Конечно, первичный и самый строгий контроль должен осуществляться производителем.

Понятно, что проверить состав каждой таблетки невозможно. Именно поэтому на фармацевтических предприятиях все лекарства делятся на серии. Внутри каждой серии все лекарства делаются в одинаковых условиях и из абсолютно одинакового сырья. То есть если при проверке хоть одна проба окажется некачественной, то забраковывают всю серию.

ФАЛЬСИФИКАТ

И Родина щедро лечила меня...

«Желаю вам здоровья и долгих лет жизни!» — на пороге нашего редакционного кабинета улыбался пожилой мужчина. С таким оптимизмом к нам обычно приходит те, кто хочет через газету поблагодарить медиков. Но на этот раз интуиция подвела. Мужчина пришёл с жалобой.

Аптеки при получении партии препаратов проводят, как правило, сплошной приёмочный контроль по описанию, по маркировке, упаковке. Проверяется, соответствует ли внешний вид корочки или флакона (головаграмма, шрифт, текст) тому, что описано в специальной инструкции, которая обязательно прилагается к каждой серии препаратов. Конечно, отследивается и наличие декларации соответствия на каждый вид лекарства.

А вот ближайшая контрольно-аналитическая лаборатория, где можно детально проверить химический состав препарата, находится в Брянске, хотя в Орле лаборатория тоже не помешала бы. Кстати, на одном из заседаний Совета Федерации обсуждался вопрос о создании в каждом регионе комплекса специальных лабораторий, оснащённых самым современным оборудованием для контроля за качеством лекарств. Но пока предложение осталось на уровне обсуждения.

В нашей области тоже выявляются фальсифицированные лекарства, но, как нам сказали в Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по Орловской области, «это чаще исключение, нежели правило, и эти препараты изымаются ещё до появления их в аптечной сети».

Что же предпринять, если вдруг возникает сомнение по поводу качества лекарства?

В таких случаях необходимо прийти в аптеку, где вы приобрели лекарство, и попросить копию декларации соответствия на лекарственное средство. По Закону «О защите прав потребителей» вам обязаны предоставить этот документ, — советует Н.Н. Грачёва, руководитель Росздравнадзора по Орловской области. — Если покупатель не убедился, он может провести химический анализ препарата в лаборатории Брянска, но за свои деньги. При подтверждении подозрения в подделке лекарства можно обращаться в суд на организацию, которая продала препарат.

Многие интересуются, можно ли самостоятельно определить подделку. Эксперты признаются, что определить подделку крайне сложно. Но есть некоторые признаки, по которым можно распознать некачественное или фальсифицированное лекарство. Если цена оказалась вдруг ниже, чем была всегда, если изменились отличительные черты упаковки, а обычно фальсификаторы не имеют технической возможности точно подделывать качество бумаги, фольги, рисунка, шрифта, если привычные для вас таблетки изменились по цвету и запаху — все эти признаки должны настораживать.

И ещё добрый совет одного опытного орловского фармацевта — старайтесь покупать лекарства в аптеках с устойчивой и хорошей репутацией. Они, как правило, работают с поставщиками и проверенными поставщиками, а это кое-что значит.

Каково мнение Всемирной организации здравоохранения по поводу ситуации, связанной с фальсифицированными препаратами? Общие прогнозы пессимистичны. По данным экспертов, к 2010 году рынок поддельных лекарств может удвоиться и составить 70 миллиардов долларов.

Производство контрафактных лекарств становится доходным бизнесом, и это страшно. Не исключено, что со временем на смену подделкам, которые по основным показателям всё так повторяют оригинал, придут более грубые подделки, и тогда фальсификаты могут превратиться в лекарства-яды.

В связи с этим депутаты Государственной Думы предлагают ввести уголовную ответственность за производство и продажу поддельных лекарств. И основания для такого предложения есть. Борьба, которая ведётся с распространением фальшивых лекарств, сегодня, к сожалению, недостаточно эффективна.

Ирина ПОЧИТАЛИНА.